

— Бог ты мой! Что за чудо! — воскликнул Гризье, увидев меня на пороге фехтовальной залы, где он задержался после ухода наших друзей.

В самом деле, с того самого вечера, когда Альфред де Нерваль рассказал нам историю Полины, я ни разу не заходил в дом № 4 на Монмартре.

— Надеюсь, — продолжал наш достойный учитель с той отеческой заботливостью, которую он всегда проявлял к своим ученикам, — что вас привело сюда не какое-нибудь скверное дело?

— Нет, дорогой мэтр! Я пришел просить вас об одолжении, — ответил я, — однако оно не из тех, какие вы оказывали мне прежде.

— Я к вашим услугам. В чем дело?

— Дорогой друг, вы должны помочь мне: я в затруднении.

— Если в моих силах вам помочь, считайте, что это уже сделано.

— Спасибо. Я никогда не сомневался в вас.

— Говорите, я жду.

— Представьте себе, я только что заключил договор со своим издателем, а мне нечего дать ему.

— Черт возьми!

— Вот я пришел к вам. Не поделитесь ли вы со мной своими воспоминаниями?

— Я?

— Именно вы. Я не раз слышал, как вы рассказывали о своей поездке в Россию.

— Не спорю.

— В какие годы вы там были?

— В 1824, 1825 и 1826-м.

— Как раз в наиболее интересное время: конец царствования императора Александра I и восшествие на престол императора Николая I.

— Я был свидетелем похорон первого и коронавания второго.

— Я же говорил!

— Поразительная история!

— Как раз то, что мне нужно.

— Представьте себе... У меня в самом деле есть кое-что. Вы терпеливы?

— Вы спрашиваете об этом у человека, который только и делает, что дает уроки.

— В таком случае подождите.

Он подошел к шкафу и вынул оттуда какую-то толстенную папку.

— Вот то, что вам требуется.

— Рукопись, прости Господи!

— Это путевые записки одного моего коллеги, который был в Петербурге одновременно со мной. Он видел то же, что видел я, и вы можете положиться на него, как на меня самого.

— И вы дадите эту рукопись мне?

— В полную собственность.

— Но ведь это же сокровище!

— Сокровище, в котором больше меди, нежели серебра, и больше серебра, нежели золота. Словом, вот вам рукопись и постарайтесь употребить ее с наибольшей для себя пользой.

— Дорогой мой, сегодня же вечером засяду за работу и через два месяца...

— Через два месяца?

— Ваш друг проснется утром и увидит свое детище напечатанным.

— Правда?

— Можете быть спокойны.

— Честное слово, это доставит ему удовольствие.

— Кстати, рукописи недостает одной мелочи.

— Чего же именно?

— Заглавия.

— Как, я должен дать вам еще и заглавие?

— Дорогой мой, не делайте добрых дел наполовину.

— Вы плохо смотрели, заглавие имеется.

— Где же?

— Вот здесь, на этой странице. Взгляните: «Учитель фехтования, или Полтора года в Санкт-Петербурге».

— Ну что ж, раз оно есть, мы его оставим.

— Так как же?

— Заглавие принято.

Благодаря этому предисловию читатель примет в соображение, что ни одна строчка книги не принадлежит мне, даже ее заглавие.

Впрочем, речь ведет друг мэтра Гризье.

Глава первая

Я переживал еще пору иллюзий и владел капиталом в четыре тысячи франков, который казался мне неисчерпаемым богатством, когда услышал о России, как о настоящем Эльдорадо для всякого мастера своего дела. Я верил в свой талант и потому решил отправиться в Санкт-Петербург.

Сказано — сделано. Я был одинок, семьи у меня не было, долгов — также. Стало быть, мне требовалось только запастись несколькими рекомендательными письмами и паспортом, что не отняло много времени, и спустя неделю я уже ехал в Брюссель.

В столице Бельгии я пробыл два дня. В Льеже — один день. Здесь в городском архиве служил мой старый школьный товарищ, и я не хотел проехать мимо, не повидавшись с ним. Я рассказал ему о своем желании посетить крупнейшие города Пруссии и места известных сражений. Но он рассмеялся, говоря, что в Пруссии останавливаются не там, где хотят, но там, где это угодно вознице, в полном распоряжении которого находятся все пассажиры. Действительно, по пути из Кельна в Дрезден, где я имел намерение остаться на три дня, нам позволяли выходить из нашей клетки лишь

для того, чтобы поесть, на что уделялось ровно столько времени, сколько нужно, чтобы насытиться. После трех дней такого вынужденного заключения, против которого никто из пассажиров не протестовал — настолько это было обычно в королевстве его величества Фридриха-Вильгельма, — мы прибыли в Дрезден.

Не стану подробно описывать, как я добрался до России. Начиная от Вильны я уже ехал по тому самому пути, по которому двенадцать лет тому назад Наполеон шел на Москву.

Я хотел было осмотреть Смоленск и Москву, но для этого нужно было бы сделать крюк верст в двести, что было для меня невозможным. Проведя один день в Витебске и побывав в доме, в котором две недели прожил Наполеон, я сел в повозку, в какой разъезжают курьеры в России. Она называется здесь «перекладной», потому что лошадей перекладывают на каждой почтовой станции.

В эту повозку была впряжена тройка. Одна из лошадей, коренник, бежала молча, высоко подняв голову, а обе пристяжные ржали на бегу, так низко опустив головы, словно собирались вцепиться зубами в землю. Отметим, что по этой же дороге совершала некогда свое путешествие в Тавриду Екатерина.

На другой день вечером я уже прибыл в Великие Луки. Дороги были настолько плохи, а мой экипаж — такой тряский, что я намеревался остановиться здесь, чтобы хоть немного отдохнуть, но решил ехать дальше: мне оставалось до Петербурга не более ста семидесяти верст. Бесплезно говорить о том, что во всю эту ночь я не сомкнул глаз: я катался по повозке, как орех в скорлупе. Много раз я пытался уцепиться за деревянную скамейку,

на которой лежало нечто вроде кожаной подушки толщиной в тетрадь, но поминутно скатывался с нее и должен был снова взбираться на свое место, жалея в душе несчастных русских курьеров, которым приходится делать тысячи верст в этих ужасных повозках.

Во всяком другом экипаже я мог бы читать. И надо сказать, что, измученный бессонницей, я не раз пробовал взяться за книгу, но уже на четвертой строчке она вылетала у меня из рук, а когда я наклонялся, чтобы поднять ее, больно стучался головой или спиной, что быстро излечило меня от желания читать.

В начале следующего дня я был в небольшой деревеньке, Бежанице, а в четвертом часу дня — в Порхове, старом городе, расположенном на реке Шелони. Это составляло половину моего пути. Меня искушало желание переночевать здесь, но комната для приезжих оказалась так грязна, что я предпочел продолжать путь. Кроме того, ямщик уверил меня, что дальше дорога пойдет лучше: это и заставило меня принять столь героическое решение.

Дальше мы поскакали галопом, и меня еще больше бросало и швыряло во все стороны. Ямщик на облучке тянул какую-то заунывную песню, слов которой я не понимал, но грустный мотив ее как нельзя лучше соответствовал моему печальному положению. Скажи я, что мне удалось заснуть в эту ночь, никто бы мне не поверил, да и я сам не поверил бы себе, если бы не проснулся, больно ударившись лбом обо что-то твердое. Повозку так трянуло, что ямщик чуть не вылетел со своего сиденья. Тут мне пришло в голову обменяться с ним местами, но как я ему ни толковал об этом, он не мог понять меня.

Впрочем, он, может быть, боялся согласиться, так как думал, что в таком случае не исполнит своего долга. Мы поехали дальше: ямщик продолжал свою песню, а я — свою невольную пляску в повозке. Около пяти утра мы прибыли в село Городец, где остановились позавтракать. Слава Богу, отсюда до цели моего путешествия оставалось не более пятидесяти верст.

И вот я снова в своей повозке. Я спросил ямщика, нельзя ли поднять ее верх, на что он охотно согласился.

В Луге мне пришла в голову другая, не менее блестящая мысль: снять сиденье, настлат в повозку побольше соломы, а под голову вместо подушки положить свой плащ. Благодаря этому я получил возможность ехать сравнительно сносно. В Гатчине ямщик указал мне на дворец, в котором жил Павел I во время всего царствования Екатерины. Затем в Царском Селе я увидел дворец, где и поныне живет император Александр, но я так устал с дороги, что удовольствовался созерцанием этих дворцов издали, дав себе слово осмотреть их более основательно, вернувшись сюда в экипаже получше.

За Царским Селом в дрожках, которые ехали впереди меня, сломалась ось. Хотя экипаж и не перевернулся, но сильно накренился. Из него выскочил какой-то высокий худощавый господин, держа в одной руке цилиндр, а в другой — небольшую карманную скрипку. Он был в черном фраке, какой носили парижане в 1812 году, в коротких панталонах, в шелковых черных чулках и туфлях с пряжками. Очутившись на дороге, он начал топтать сперва правой, затем — левой ногой, потом прыгать, очевидно, желая удостовериться, что ничего не сломал себе. Я счел невозможным проехать мимо, не

остановившись и не спросив его, не случилось ли с ним какой-нибудь беды.

— Никакой, сударь, — отвечал он, — если не считать, что я пропущу урок. А за каждый урок я получаю по луидору. Ученица моя — красивейшая женщина Петербурга, мадемуазель де Влодек. Послезавтра она должна изображать Филадельфию, одну из дочерей лорда Бартона с картины Ван-Дейка на празднестве, которое дается при дворе в честь герцогини Веймарской.

— Простите, сударь, — отвечал я, — мне не совсем понятны ваши слова, но это ничего не значит, раз я могу вам быть полезен...

— Не только полезны, но вы можете прямо-таки спасти меня. Представьте себе, что я только что давал урок танцев княгине Любомирской, на ее даче, в двух шагах отсюда. За этот урок я получаю два луидора — меньше я там не беру. Я пользуюсь известностью и извлекаю из этого выгоду. Все это понятно, так как других французов, учителей танцев, кроме меня, в Петербурге нет. А экипаж княгини, в котором меня отвозят в город, как видите, сломался. К счастью, я дешево отделался.

— Если не ошибаюсь, сударь, — сказал я, — то я могу оказать вам услугу, предложив место в своей повозке.

— О, милостивый государь, это было бы огромным долгом для меня, но я не осмеливаюсь...

— Как! Между соотечественниками?

— Стало быть, вы француз?

— И также артист.

— Вы артист? Ах, сударь, Петербург скверный город для артистов! Особенно для учителей танцев. Надеюсь, вы не учитель танцев?

— Но ведь вы мне только что сказали, что вам платят по луидору за урок. Это, мне кажется, весьма изрядная плата.

— Совершенно верно, но теперь, знаете ли, не то, что было прежде. Французы все здесь испортили. Так вы не учитель танцев? Нет?

— А мне между тем рассказывали о Петербурге как о замечательном городе для любого мастера своего дела.

— Совершенно верно, так оно и было прежде. Какой-нибудь жалкий парикмахер зарабатывал здесь еще недавно по шестьсот рублей в день, а я с трудом выколачиваю восемьдесят. Скажите, сударь, вы действительно не учитель танцев?

— О нет, дорогой соотечественник, — отвечал я, тронутый его беспокойством, — вы можете смело сесть в мою повозку, не боясь, что я окажусь вашим конкурентом.

— С удовольствием принимаю ваше приглашение, сударь, — сказал мой собеседник, усаживаясь в повозку рядом со мною, — теперь благодаря вам я успею вовремя к уроку.

Ямщик погнал лошадей, и три часа спустя, то есть уже вечером, мы въехали в Петербург через Московские ворота. Мой спутник оказался весьма милым и любезным собеседником; убедившись, что я не учитель танцев, он посоветовал мне остановиться в Лондонской гостинице, на углу Невского и Адмиралтейской площади.

Мы расстались. Он сел на извозчика, а я направился в указанную им гостиницу.

Нечего говорить о том, что, несмотря на все желание поскорее ознакомиться с городом Петра I, я отло-

жил это дело до следующего дня. Я был буквально разбит и едва держался на ногах. С трудом добрался я до своего номера, где, к счастью, оказалась хорошая постель, чего я был лишен в пути начиная от Вильны.

Проснувшись на другой день около двенадцати часов дня, я первым делом подбежал к окну: передо мной высилось Адмиралтейство со своей длинной золотой иглой, на которой красовался маленький кораблик. Адмиралтейство было окружено деревьями. Слева находился сенат, а справа — Зимний дворец и Эрмитаж. Между ними виднелись изгибы Невы, показавшейся мне широкой, как море.

Одевшись, я наскоро позавтракал, тотчас же выбежал на Дворцовую набережную и добрался до Троицкого моста, длиною в тысяча восемьсот шагов, откуда мне советовали посмотреть на город. Должен сказать, что это был один из лучших советов, данных мне в жизни.

Не знаю, есть ли в мире вид, который мог бы сравниться с развернувшейся перед моими глазами панорамой.

Справа, неподалеку от меня, стояла крепость, колыбель Петербурга, как корабль пришвартованная к Аптекарскому острову двумя легкими мостами. Над ее стенами возвышались золотой шпиль Петропавловского собора, места вечного упокоения русских царей, и зеленая крыша Монетного двора. На другом берегу реки, против крепости, я увидел Мраморный дворец, главный недостаток которого заключается в том, что архитектор как бы случайно забыл сделать ему фасад. Далее шли Эрмитаж, великолепное здание, построенное Екатериной II, Зимний дворец, привлекающий внимание ско-

рее своей массой, чем формой, своей величиной, чем архитектурой, и Адмиралтейство с двумя павильонами и гранитными лестницами. К нему ведут два главных проспекта Петербурга: Невский, Вознесенский и Гороховая улица. Наконец, за Адмиралтейством виднелась Английская набережная с ее великолепными зданиями, которая упирается в Новое Адмиралтейство.

Прямо передо мной находились Васильевский остров, Биржа, модное здание, построенное — не знаю почему — между двумя ростральными колоннами. Две ее полукруглые лестницы спускаются к самой Неве. Тут же неподалеку расположены всякие научные учреждения — Университет, Академия наук, Академия художеств и там, где река делает крутой изгиб, — Горный институт.

С другой стороны Васильевский остров, обязанный своим названием одному из приближенных Петра I по имени Василий, омывается Малой Невкой, отделяющей его от Вольного острова. Здесь, в прекрасных садах, за позолоченными решетками цветут в течение трех месяцев, что длится петербургское лето, всевозможные редчайшие растения, вывезенные из Африки и Италии; здесь же расположены роскошные дачи петербургских вельмож.

Если встать спиной к крепости, а лицом против течения реки, панорама меняется, по-прежнему оставаясь грандиозной. В самом деле, неподалеку от моста, где я стоял, находятся на одном берегу Невы Троицкий собор, а на другом — Летний сад. Кроме того, я заметил слева от себя деревянный домик, в котором жил Петр I во время постройки крепости. Около этого домика до